

Юрий ПЕРМИНОВ

И ВРЕМЯ, И ЖИЗНЬ, И БОГ...

Кажется, что на каждом, образно говоря, литературном заборе можно прочесть: *«Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда, // Как жёлтый одуванчик у забора, // Как лопухи и лебеда...»* Анна Ахматова...

Женщинам принято прощать любые глупости, но если ту или иную глупость возводят на афористический «пьедестал», молчать уже не следует. Тем более умиляться или прощать. Ну и что, что Ахматова? Ну и что, что Бродский, заявивший, что «стихи, по слову Ахматовой, действительно растут из сора». Бродский нам не пример: вот уж сколько лет лит-агитаторы «вживляют» его в поле русской поэзии, а он там всё равно не находит себе места... Он и про сад только и сказал: «Как ты пуст и нем...», да ещё пару раз обмолвился, например: *«Жена Наместника с секретарём // выскальзывают в сад»*. А Наместник между тем пребывает на смертном одре...

Ну а женщина, даже поэтесса, и не важно – Ахматова или литстудийная барышня, не умеет мыслить образно и уж тем более – образами. Если она это делает – почти всегда получается глупо. Или пошло. Мы не за это их любим.

А сор – всегда под ногами, а потому всегда остаётся сором, а более – ничем. Стихи же растут из зёрен души...

У мудреца Пришвина есть такой замечательный оборот речи: «неоскорбляемая часть души». Неоскорбляемая, то есть не поддающаяся действию извне, свято хранимая тобой и тебя хранящая. Вот из неё и появилась на Божий свет Поэзия.

В русской же поэзии сады никогда не вянут, несмотря на обилие осенних, облетевших, пустынных... То есть эта тема – неиссякаема. А такие эпитеты, как «старый», «запущенный» говорят о возрасте и человеческом равнодушии, но ничуть не умаляют садовой красоты и величия...

Не ведать стыда – значит быть бесстыдным. Чего ж бесстыдного есть в ромашках, лопухах, лебеде? А в поэзии? В стихах может быть всё, в том числе и мусорные свалки, но из них ничего произрастать не может. Разве что сама свалка станет ещё

больше. Впрочем, говорить сегодня о непрерывном очищении сердца, о котором писали преподобные, мирскому человеку особо не приходится. У нас другая проблема: какими лопатами, какими бульдозерами выгрести из своей души весь тот хлам, который туда льётся рекой, сливается в сердце из телевизора, из Интернета, из общения – отовсюду?

Вот и вспоминаются строки Цветаевой:

*За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет.*

Только почему – «на старость лет»? Нет, он сейчас нужен. Каждому из нас. Но испокон веков на Руси говорили: «На Бога надейся, да сам не плошай». Бери лопату, подгоняй бульдозер...

* * *

Великолепный парк «Ермаково поле» вырос все не из мусора, а из попытки (по Д. С. Лихачёву) «создания идеального мира взаимоотношений человека с природой».

24 июня 2016 года, в День города Тобольска, на карте России официально появилось это название – «Ермаково поле». Речь идёт об уникальном ландшафтном историко-культурном парке, созданном трудами и заботами председателя Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Григорьевича Елфимова и его помощников. Более 20 лет назад территория бывшего дома отдыха в окрестностях Тобольска была неухоженной и заброшенной: в оврагах каменели свалки мусора, многие деревья почти обезжизнели, будучи уже не в силах воздуть к небесам в мольбе о помощи иссыхающие, ломкие ветви. Потребовалось немало времени, сил и средств для восстановления былого великолепия природы, чтобы земля, освобождённая от смертельных для неё тонн хлама, «раздышалась».

– Да, здесь было, можно сказать, пепелище, – вспоминает Аркадий Григорьевич. – Когда мы сюда пришли, увидели унылую картину – лопухи и крапиву в человеческий рост и свалку отходов человеческой «жизнедеятельности», свозимых отовсюду. И сначала пришлось территорию чистить – вывозить строительный и бытовой мусор, завозить грунт и лишь затем, практически с нуля, создавать коллекцию ботанического сада.

И сегодня под открытым небом или, как говорят садоводы, в открытом грунте здесь произрастают редкие для Сибири растения: актинидия, кирказон,

лимонник, скумпия, бересклет, гортензия, барвинок, вейгела, ясень, пузыреплодник, несколько видов и форм клёна, барбариса, клематиса, можжевельника, ивы, спиреи, сирени и туи... 418 видов, форм и сортов растений на площади менее 27 га!

И необходимо также отметить немалую роль в становлении всего этого великолепия екатеринбургской компании «Ландшафтная архитектура и строительство садов» («ЛАИСС»), руководит которой блестящий специалист-дендролог Марина Викторовна Мурзина. Пожалуй, её роль в этом процессе одна из ведущих.

Японский мыслитель Эйхэй Догэн говорил: «Разве не в шуме бамбука путь к просветлению? Разве не в цветении сакуры озарение души?» Дело не в бамбуке и сакуре, хотя кто знает: может быть, в парке «Ермаково поле» прижилась бы и сакура, не говоря уже о бамбуке. Обустройство любого сада и, как следствие, его цветение – это и есть путь к просветлению, к озарению души...

Коллекция ботанического сада пополняется благодаря усилиям его сотрудников, а также поступлениям из Центрального сибирского ботанического сада Сибирского отделения Российской академии наук (ЦСБС СО РАН) в Новосибирске. Именно консультации и практическая помощь ведущих его специалистов позволяют саду «Ермакова поля» развиваться, наливаясь новыми «живыми» красками и силами.

Здесь будет уместно привести слова старшего научного сотрудника лаборатории дендрологии ЦСБС СО РАН А. В. Каракулова: *«Тобольск, имеющий огромное значение в истории и культуре Сибири и России в целом, как никакой другой город нашей Родины, достоин своего запоминающегося сада. Созданные ранее Сад Ермака, Архиерейский сад и Роща Журавского остались, к сожалению, лишь в воспоминаниях старожилов, потому как безвозвратно деградировали.»*

Сад «Ермакова поля», создаваемый Аркадием Григорьевичем Елфимовым на протяжении нескольких лет, вне всякого сомнения, станет визитной карточкой Тобольска!»

Пейзажи сада очаровывают своими смотровыми площадками, откуда открывается величественный Иртыш, архитектурными и садовыми композициями, ротондами и скульптурами.

Одна из них – «Ангел Сибири» – создана ялutorовским ваятелем Владимиром Шараповым. Именно Ремезов дал красивое поэтическое название родному Тобольску – Ангел Сибири: «Подобен сибирский град Тоболеск – ангелу! Правая его рука –

палатный разряд. На длани (ладони) имущий нижний посад, левая рука – соборная церковь и стена каменного столпа, правый бок – яр до Иртыша, левый – увал и река Курдюмка, правое крыло – Тобол до степи, левое – Иртыш. Этот ангел является всей Сибири радоджителем и изрядное украшение, и с иноземниками мир и тишина».

Талантом и трудами известного архитектора Алексея Белоусова на берегу Иртыша создана двухуровневая беседка, символизирующая деление Тобольска на нижнюю и верхнюю часть города. И эта беседка с изумительным видом – одно из самых ярких впечатлений после посещения ботанического сада. Дадим слово самому Алексею Витальевичу: *«Обрести чувство умиротворённой, радостной гармонии с этим миром, на мой взгляд, возможно только прогуливаясь по парку. Созерцание пейзажных видов в движении – сродни воспоминанию череды радостных событий в твоей жизни. Создание в сознании человека, гуляющего по парку, сюжета из впечатлений, наполняющих душу радостью, и даже восторгом, – вот что для меня было важно при разработке планировочной концепции и создании парковых объектов в саду «Ермакова поля». Благодарю Аркадия Григорьевича за счастливую возможность творить в столь удивительном месте!»*

Но беседка – лишь малая часть сделанного Белоусовым для «Ермакова поля»: именно по его проектам велись в парке практически все работы, именно Алексей Витальевич выступил автором всех планировочных решений, так что его по праву следует называть одним из создателей «Ермакова поля».

В самом живописном уголке устроился памятник Василию Сурикову, поблизости – каскад прудов, посвящённый царской семье, а на другом конце парка – Алябьевская беседка, где можно послушать тобольских соловьёв.

На очереди – увековечение памяти о первых русских первопроходцах Сибири, о гениальных Семёне Ремезове и Дмитриии Менделееве... (Кажется, что оба относятся к первопроходцам: о гениальном картографе и великом учёном?)

Завершено строительство часовни святого великомученика Дмитрия Солунского. Да, внутри ещё много работы, нет пока иконостаса, но крест-то уже вознесён над округой!

*И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой.*

Фёдор Тютчев

И уже устроены водные каналы, возведены мосты через них, разработаны туристические маршруты. А 15 августа 2017 года в «Ермаковом поле» был открыт памятник Александру Алябьеву – великому русскому композитору-романтику, русскому воину...

Мэры швыряют баснословные деньги на ледяные городки, которые живут максимум месяц, но у них не находится средств на увековечивание памяти о наших выдающихся соотечественниках. Да не средств им не хватает – совести...

...Учёные считают, что если десять человек раз в неделю будут оставлять мусор на гектаре лесопарка, то из этого «зелёного острова жизни» исчезнут птицы. Если же увеличить нагрузку в два раза, то нарушится питание деревьев, что приведёт их к постепенной гибели. Тут уже не до поэзии, а парк «Ермаково поле» дышит ею каждым своим уголком, каждой кроной, кустом и травинкой. Весной, зимой, летом, осенью...

*Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далёкой аллее ждала,
И томила весна... Но она не пришла,
Не хотела иль просто пугалась ветвей.*

Николай Гумилёв

Сегодня не пришла – придёт завтра. Непременно...

*Ещё повсюду в спящем парке
Печально веет зимним сном,
Но ослепительны и ярки
Снега, лежащие ковром.*

*Их греет солнце... Скоро, скоро
Под лаской девственных лучей
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.*

Самуил Маршак

В письме к Г. Флоберу И. С. Тургенев писал об аллеях сада в Спасском-Лутовинове: «Я думаю, что действительно путешествие в Россию вдвоём со мной было бы для Вас полезно; в аллеях старого деревенского сада, полного сельских благоуханий земляники, пения птиц, дремотных солнечного света и теней. <...> Невольно замираешь в каком-то неподвижном состоянии, торжественном... <...> в котором соединяется в одно и то же время и жизнь, и животность, и Бог. Выходишь оттуда как после, не знаю, какой мощно укрепляющей ванны, и снова вступление в колею, в обычную житейскую колею».

Прогулка по «Ермакову полю» оставляет такие же чувства.

И уж точно не из сора «выросли» стихи Ахматовой:

*Калитку в милый сад,
Где клён, и дуб, и ясень,
Гуляя наугад,
Уж распахнула осень.
Там шпат прекрасный мой –
Серебряное диво –
И тополь золотой
В наряде горделивом.
Как будто под листвою
Огонь незримый зреет,
Там рыжей чешуёй
Шиповник пламенеет.
Но осень так скромна,
И от избытка силы
Под холодом она
Огонь свой затаила.*

И упоминание о шиповнике – неслучайно. У каптоликов символом Богоматери была роза. В русских садах, по свидетельству иностранцев, даже в XVI веке роз ещё не было. Имелась лишь «дикая роза» – шиповник. Символом Богоматери (среди многих других) в Древней Руси была белая лилия.

В парке Елфимова вы встретите и лилии, и шиповник...

*Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея,
Вблизи шиповник алый цвёл,
Стояла тёмных лип аллея...*

Николай Огарёв

Липовую аллею вы встретите и здесь, в парке под Тобольском. Кстати, архитектор Чарльз Камерон по заказу Екатерины II, работая в Павловске, не только спроектировал новый дворец, но также распланировал сад посреди лесистой местности на крутых берегах Славянки, а главный въезд в усадьбу украсил липовой «тёмной» аллеей. А почему «тёмные аллеи» стали у Бунина названием всей книги его рассказов, где он пишет о России? Обсаженные липами аллеи были одной из самых характерных черт русских садов, особенно усадебных, и составляли их красоту. Нигде в Европе липы не сажались «стеной», так, как в России, и эти аллеи лип стали для Бунина в известном смысле символичны...

Липы в парке «Ермаково поле» живут здесь с давних времён, но в конце 1990-х они умирали. Елфимов спас их, продлил им жизнь...

Человек вбирает в себя все соки родной земли, питается её подземными ключами, согревается в лучах её солнца, омывается её благодатными дождями, напитывается от тука нив её. Сады – Божие творение, но без участия человека они приходят в запустение.

У Бога – всего много, и всё имеет свой высший смысл и своё священное предназначение. Сады – это напоминание всем нам не только о существовании Рая, но в первую очередь о том, что никому там место не «забронировано», и только пекущийся о творениях Божиих человек может стать подобным дереву, «насаждённому при исходящих вод», которое «плод свой даст во время своё: и лист его не опадёт» (Пс. 1:3).

*Глаза прикрою – и мгновенно,
весь лёгкий, звонкий весь, стою
опять в гостинной незабвенной,
в усадьбе, у себя, в раю.*

Владимир Набоков

Русские сады обязательно должны были иметь «райские деревья» – яблони (виноград), цветы, по преимуществу душистые, чтобы привлекать к себе птиц. Именно таким, действующим на все человеческие чувства, и представляли себе в Древней Руси рай, в котором Бог, согласно Книге Бытия, «насадил все деревья». Сад должен был услаждать зрение (цветущие деревья, цветы), вкус (ягоды, плоды деревьев), слух (пение птиц), обоняние (запахи душистых цветов)... Сад на Руси был символом рая, тем местом, где обилие всего: растения не только декоративные, но и плодовые, где поют птицы, а цветы не только украшают, но и благоухают.

Парк под Тобольском – один из таких символов.

Обратите внимание на русские иконы, и вы увидите, что на многих из них – цветы...

Зайдите в Елфимовский парк, и вы поразитесь их гармоничному обилию...

Если бы не было Сада (с большой буквы) как источника жизни и вдохновения – его надо было бы выдумать. Его и увековечили первые поэты, создатели Библии. Эдемский сад, райский сад... Впрочем, рай – это и есть сад. Библиист Андрей Десницкий поясняет: «Еврейское слово *גן* и означает не что иное, как “сад”. То же самое относится и к греческому слову *παράδεισος*, которым оно было переведено, – именно оно и вошло в европейские языки со значением “рай”. Но изначально оно тоже означало “сад”...»

Елфимовский парк – сад! – это сама Поэзия... Особенно, когда первые лучи солнца, просеиваясь

сквозь листву, золотят зелень травы. Но поэзии в нём не меньше и днём, и вечером, и ночью.

*И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
Легли внизу десятки длинных теней,
И толпы лип вздымали кисти рук,
Скрывая птиц под купами растений...*

Николай Заболоцкий

А вот и август –

*Выйди в сад... Как погода ясна!
Как застенчиво август увял!
Распустила коралл бузина,
И янтарный боярышник – вял...*

.....
*А пока ещё – зелень вокруг
И вверху безмятежная синь;
И у клёна причудливых рук –
Много сходного с лапой гусынь.*

Игорь Северянин

Но вот уже снова подступает зима:

*Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Бери перо любое наугад.
Большие дети неба и земли,
Здесь ночевали, спали журавли.
Остался пух. Остались перья те,
Что на земле видны и в темноте,*

.....
*Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
И пруд, и вся прорешливість оград.
Он не шепнёт, как кто-то там и сям,
Что журавли завидуют гусям.
Он знает сам, что каплями зари
В нём замелькают скоро снегири,
Что в ноябре в нём хрупко и светло,
От перистого инея светло...*

В. Соколов

* * *

...Да, апостол Павел говорит: чистому всё чисто. Но современный человек духовно находится будто в некоем «канализационном потоке», и ему невозможно не напитаться всем этим. Поэтому речь идёт скорее о минимуме: о поддержке сердца в живом состоянии. Поезжайте в парк «Ермаково поле», если нигде вам более позаботиться об этом: такая необходимость – оживить черствеющее сердце – пришла...

А задача, над которой человек обязан постоянно работать, – жить в миру и оставаться неосквернённым от мира...

В садах душе оскверниться невозможно. Не случайно напоминает русская поэтика и литературовед Е. В. Невзглядова, в XVIII веке сады воспеваются. Ломоносовым: «Достойно похвалить я вас желаю, // Но выше по чему почитать, ещё не знаю. // Не тем ли, что везде приятности в садах...»; Державиным: «О, как пленительно, умно там, мило всё!..». В дальнейшем, в XIX и XX веках, сад, не теряя своего обаяния, обнаруживает способность подражать любым настроениям, служить неосознанным целям, и это уже не воспевание, а неподдельное участие в душевной жизни*... Елена Всеволодовна полагает, что само слово «сад» никогда не теряет в стихотворном строю частицу библейской значительности: сад – жилище Бога, в котором появились первые растения и первые люди. Сады Лицея, сады Армиды, сады Элизия, замоскворецкие сады и царскосельские – всё это образы райского сада, разные с него слепки.

Не будет преувеличением, если таким же слепком мы назовём и «Ермаково поле».

Таким же? Нет, всё-таки есть и существенное отличие.

Вот, скажем, почему – Ермаково поле?

Куликово поле, Бородинское поле, Прохоровское поле...

Священные земли, ратные поля России, державшейся с твёрдостью монолита под натиском внешних угроз, утверждали силу и величие русского духа. Вечные, неколебимые знаки победы духа над силой вражды и злобы.

Родина-мать не забывала своих героев. Отмечались юбилеи и праздники, воздвигались триумфальные арки, храмы и монументы, чеканились памятные медали, создавались огромные батальные картины и портретные галереи героев и спасителей Отечества. Но как-то забывалось, что и Сибирь, благодаря которой все эти годы прирастало могущество России, находящаяся, казалось бы, вдалеке от героических событий, точно так же озарена лучами славы великих русских побед, ставших нашей общей надёжной опорой и всепобеждающим духовным оружием.

*Сибирь! Леса и горы скопом,
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вширь пяти Европам
Со всею музыкой своей.*

*Могучий край всемирной славы,
Что грозной щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Её рудник и арсенал.*

*Край, где несметный клад заложен, –
Под слоём – слой мощной вдвойне.
Иной ещё не потревожен,
Как донный лёд на глубине.*

*Родимый край лихих сибирских
Трёх войнам памятных полков
С иртышских,
Томских,
Обских,
Бийских
И енисейских берегов...*

Так писал о Сибири в своё время Александр Твардовский, и все эти «пять Европ» (на самом деле куда больше) по праву можно было назвать великим полем русской славы, если бы не многообразие её ландшафта. Но такое поле, не названное официально, точно не определённое по долготе и широте, в Сибири было всегда, поскольку жила и живёт в народе по сей день память об атамане Ермаке Тимофеевиче, разбившем кучумовскую тьму подле Чувашицкого мыса, тем самым положившем начало великой эпопее освоения величайшего края, коим и поныне не только прирастает, но и спасается Россия.

А сегодня такое поле существует уже в реальности, в «объективном ощущении» – под Тобольском...

«Ермаково поле» – не просто парк, а живая история Тобольска, выраженная средствами ландшафтной архитектуры. Дубовая рощица – это войско «Ермаково поле», всего 25 дубков, то есть один дубок символизирует два десятка казаков. А вот и сам Ермак, поперёд всех, выше всех, на холме, огороженном частоколом из заострённых брёвен. Напротив войска казацкого выстроились ряды растений азиатских – это татарское войско с Кучумом во главе. А промеж них – поле сечи, красным барбарисом, буд-то кровью багровой, залитое...

Постоянно прирастает новыми деревцами и молодая липовая роща. Её начало положил выдающийся русский писатель Валентин Григорьевич Распутин, приехавший из Иркутска в Тобольск. С тех пор возникла прекрасная традиция, и многие известные деятели культуры и искусства, писатели, учёные, общественные деятели России посадили здесь свои именные липы.

Здесь переплелись история, ботаника, ландшафтный дизайн, искусство. Пытливому туристу даже дня не хватит, чтобы всё обойти, увидеть и осознать...

Конечно, культурно-историческая составляющая парка «Ермаково поле» крайне важна, но здесь ещё и своего рода приют для душевного отдохновения и

* Невзглядова Е. Сады в русской поэзии // Звезда. 2013. № 10.

сердечных воспоминаний. В этом смысле парк словно вырос из поэзии гениального Афанасия Фета: «Только забудусь – опять // Ты предо мною в саду»; «Сияла ночь. Луной был полон сад»; «Этой тропой через сад // Ты обещалась прийти»; «Днём и ночью гляжу сквозь решётку я вдаль – // Не мелькнёт ли в саду белоснежный вуаль?»; «Внизу померкший сад уснул, – лишь тополь дальний // Всё грезит в вышине и ставит лист ребром...»; «...как будто неземной // Какой-то дух ночным владеет садом».

В наших нынешних городских, затоптанных, пропитанных шашлычным запахом парках вряд ли найдётся место для таких переживаний. Елфимовский парк настроен на них, и в этом он типичен для усадебных парков прошлого. Типичен и в то же время неповторим, если мы говорим о сегодняшнем времени. «Душа обязана трудиться...», и здесь она трудится ежесекундно.

И потом... Идешь по этому парку, и тебя не покидает ощущение, что он создан не для праздного времяпрепровождения. Особенно, если знаешь его историю. Знаешь, через какие мытарства, наветы, угрозы пришлось пройти Елфимову (а некоторые «блустители» не угомонятся и до сих пор)...

В первой половине XIX века был такой поэт-любителю – П. А. Межаков (1788–1865), помещик Вологодской губернии, владелец большой усадьбы, ставшей одним из провинциальных культурных гнезд. Как многие дворяне того времени, иногда сочинял стихи и даже печатал их в различных журналах, например, в «Чтениях в Беседе любителей русского слова». В стихотворении «Мой удел» он видит жизнь хозяина усадьбы не только как череду свободных досугов и весёлых праздников, но и как ответственность за окружающий его мир, в котором на нём лежит обязанность раздавать «Занятия ленивым, // Покой трудолюбивым, // Большим целебный сок...»

Елфимов стихов не пишет, но издаёт уникальные историко-просветительские книги, устраивает художественные выставки, устанавливает памятники, а между тем он и «большой усадьбой», в отличие от вологодского помещика, владеет лишь в небольшой её части, но всё, что он создаёт, – и есть тот самый «целебный сок»...

* * *

...В последние годы постоянно вспоминаются строчки нашего гениального соотечественника: «О, сколько нам открытий чудных // Готовит просвещения дух...» И хотя «опыт, сын ошибок трудных» нас сопровождает издавна и постоянно, но не идёт он

нам впрок. Не идёт, скорее всего, потому, что не пропитал нас «просвещения дух», а пропитываемся очень сомнительным духом цивилизации, ведущим лишь к определённым меркантильным удобствам.

И потому не только «что имеем – не храним», но и не плачем, «потерявши».

Восхищаемся Римом, Барселоной, Афинами... а своим, КАК МИНИМУМ не менее прекрасным, впитавшим родные истории и судьбы, где налицо невиданная одарённость предков, пренебрегаем... бросаем, грабим... Наверное, с той поры как стали превращать храмы в конюшни и склады.

И в очередной раз: «Не опоздать бы».

Хочется, конечно, надеяться. Где-то временами и не опаздываем. Но лишь огромными хлопотами тех, в ком живёт «просвещения дух». К сожалению, у власть имущих разных уровней этот «дух» совсем иной, и давно. Но вот пример – из прошлого, опять же. «Приходится удивляться, – пишет Дмитрий Лихачёв в «Поэзии садов...», – с какой неустанной заботливостью и требовательностью относился Пётр к устройству садов и с какою осведомлённостью и вниманием вникал он в детали садового искусства. Пётр отлично понимал, что сад имеет не просто архитектурное или санитарно-гигиеническое значение, но есть прежде всего место просвещения и воспитания...»*

Вот Елфимов – понимает. Речь как раз о понимании, не о сравнительных, упаси боже, характеристиках...

* * *

...Всякий искренний человек трепетно верит в чудо провидения, его сердце денно и ночью пребывает в труде. Оно трудится во имя тайны дивной и прекрасной, имя которой – Жизнь. Без усталости трудится человек, дабы делами своими отделить, а значит и спасти чистоту от грязи, свет от тьмы... Такой труд – сродни возделыванию сада...

У гениального Николая Тряпкина есть строка: «Земля моя! Сказание моё! Мой неизбывный вертоград...» Дивное устаревшее слово «вертоград» означает сад, виноградник, в книжно-церковном смысле – Божий сад, которому поэт уподобляет родную землю, Россию.

Елфимовский «вертоград» – её уже неизбывная частица.

г. Омск

* Лихачёв Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд., испр. и доп. М.: Согласие; Новосты, 1998.